

Мария Барыкова¹

СТРАСТИ ПО ЛЕГАВЫМ. НЕКРАСОВ И ЕГО СОБАКИ

Собаки! Да, я утверждаю, что голос собаки иногда слаще голоса дружбы.

Николай Алексеевич Некрасов (1891–1878) был человеком страстным. И, может быть, ярче всего страстность эта проявилась не в писании гневных стихов и не за зелёным сукном карточного стола, а в любви к охоте и особенно к охотничьим собакам.

Любовь эта появилась у Некрасова в раннем детстве, когда в тринадцать-четыре года он с отцом, завзятым охотником, уже гонял и травил зверя и, счастливо уставший, засыпал прямо в полях в обнимку с очередными Хватаем или Заветкой. Разумеется, как только у него появилась возможность, а это произошло уже в начале 1850-х годов, он сразу же завёл не одну, а несколько легавых собак, породу в то время достаточно новую и модную, и, главное, наиболее подходящую красотой, тонкостью чутья и высоким интеллектом его своеобразной натуре.

В приёмную знаменитого журнала «Современник» к ничему не подозревавшему посетителю порой выбегало до десяти собак, практически не знавших тяжести хозяйской руки. Возглавлял эту компанию пойнтер Оскар, уже пожилой и проводивший большую часть времени на турецком диване хозяина. Выгуливал их, или как тогда это называлось «вываживал», по унылым пе-

¹ **Мария Барыкова** (Белоусова Мария Николаевна, 1960–2021) — писатель, переводчик, редактор, колумнист, автор лекционных циклов, член Костромского Дворянского собрания. Родилась в Ленинграде, в 1977 закончила литературную школу №27, в 1983 — юридический ф-т ЛГУ. Публикуется с 1993 года. В 2005–10 гг. вела колонку обозревателя в газете «Deutsche-Russische Zeitung» (г. Констанс, ФРГ). Автор циклов публичных лекций. Номинант премии им. Дашковой. Постоянный участник генеалогических чтений им. Бочкова и им. Григорова (г. Кострома). Автор статей в газетах СПб, Мурманска, Архангельска. Редактировала статьи в научном журнале «Платоновские исследования». Автор и координатор проекта межкультурных связей гимназии Ruchenberg (г. Винтертур, Швейцария). Лауреат литературного конкурса ЗООарт. Имеет личный архив в ГАКО.

тербургским улицам единственный лакей Некрасова Василий, который называл Оскара «капиталистом», поскольку был уверен, что хозяин непременно положит на имя собаки деньги в банк, как каждый вечер утверждал Некрасов.

В начале пятидесятых годов у Некрасова появился чёрный английский пойнтер Раппо, грудастый и несколько коротконогий, который совершенно, если можно так выразиться, сел поэту на шею. Всю зиму пёс едва перебирался со своей подушки в обеденный час в столовую и остальную часть дня уже маялся на голом полу, вздыхая, как объевшийся гусь, и как бы говоря всем своим видом: «Посмотрите, как неловко и жёстко! Я все бока отлежал, а идти к подушке нет никакого расчёту: скоро будет ужин, да ещё проспишь, пожалуй!». Словом, Раппо, как говорил Некрасов, был *малый обдуманый*. Недаром он сделал его героем своего малоизвестного романа «Тонкий человек», где дал точную и тонкую характеристику собачьей психологии. «Раппо, чистый английский пойнтер, уже не первой молодости, но хорошо сохранившийся, настоящий джентльмен как в домашней жизни, так и на охоте. Он ласков с хозяином, сухо-вежлив с его гостями, не кусает без побудительной причины и никогда ни у кого не лижет рук, чем снискал особенную любовь хозяина; в лучшем расположении духа он подпрыгивает и легонько стискивает зубами край вашего уха, это его величайшая ласка; в остальное время выражает он свои чувства, благодарность, довольство самим собою и другими, радость свидания, мерным, громким и полным достоинства стуком хвоста. (Хвост у него нерубленый, гладкий, несколько обившийся с конца; лёжа на подушке, он обыкновенно растягивает его по полу, как крыса, и каждому идущему даёт знать о своей близости троекратным постукиванием, не столько из дружелюбия, сколько из предосторожности).

Поведения примерного. Случалось, будем беспристрастны, что он даже пропадал иногда (по сердечным делишкам), но всегда являлся домой сам, и прямо к обеду. Час обеда ему отлично известен; он, к сожалению, обжора, страсть, которая его погубит. Таков Раппо дома. На охоте являет он редкое сочетание сильного чутья и крепкой стойки с хорошими манерами, что даже реже хорошего чутья: никогда ни в коем случае не горячится, ищет, как долг исполняет, предоставляя остальное судьбе. Не горюет и не радуется; не волнует вас ложными стойками, когда ничего нет, но и не падает духом, подобно тем бездарным собакам, которые, попрыгав полчаса по болоту, начинают поминутно останавливаться и, поставив передние ноги на высокую кочку, глядят на вас, как будто говоря: «Я ничего не мог найти, поищи теперь ты!». А как он подводил!..».

Раппо оставил след не только в романе, но и в переписке Некрасова с Тургеневым, в которой, кстати, немало строк посвящено собакам. Так, осенью 1854 года поэт вполне серьёзно пишет в Спаское: «Кланяйся Бубульке! Кстати, я уверен, что эта сметливая сучка теперь с гордостью думает: “Наконец он так привязался ко мне, что и на зиму остался со мной в деревне”, или что-нибудь подобное». Пойнтера Бубульку Тургеневу подарила Полина Виардо, и он надышаться не мог на эту собаку. А через пять лет Тургенев сетует на некрасовский подарок: «Некрасов... у меня оставил легавого щенка по прозвищу Каштан. Из него вышла здоровенная, но к делу мало пригодная собака. Что прикажешь с ней делать?».

Увы, опасения Некрасова в отношении Раппо начинали сбываться. Летом 1853 года он писал Тургеневу: «Вот беда! Превосходного моего кобеля и друга Раппо разрешило на зад (разрешило — это разнесло, — М. Б.), и я уже не нахожу такого удовольствия в охоте, как прежде, ибо в сучонке Диане, с которой теперь охочусь, при многих добрых качествах вовсе нет вежливости, столь необходимой при подводке...». Скоро Раппо действительно погиб от обжорства, и в конце июня 1857 года Некрасов привёз из Англии очень дорогого щенка крупно-крапчатого пойнтера, названного им Нелькой.

Дорога со щенком из Лондона в Россию через Кёнигсберг и Ригу дорого обошлась поэту, как писал он, «собака меня просто состарила»: во-первых, кондукторы требовали за щенка дополнительную плату на каждой станции в пять целковых, деньги по тем временам весьма значительные, а то и просто вынуждали нанимать отдельный экипаж. А, во-вторых, щенок, выпрыгнув из таратайки, ободрал заднюю лапку и расшиб переднюю. Всю дорогу Некрасов выносил его на воздух на руках, а в Дерпте повёл в «скотоврачебную клинику». Однако Нелька держалась молодцом, что дало хозяину повод писать Тургеневу: «Славный характер у собаки! Нельзя её не полюбить, жаль будет, если из неё ничего не выйдет...»; «Собаку ещё не пробовал на охоте, но думаю, что она будет недурна. Она собака умная, догадливая и неупрямая». Поэт специально провёл время до поздней осени не в городе, а в снятом шале на станции Мартышкино, чтобы вырастить как можно более здоровую собаку, но, увы, несмотря на отличные данные и нежность к хозяину, Нелька выросла действительно чувствительной, но совершенно непослушной и невоспитанной. Пока же сучка подрастала и обещала много, Некрасов охотился с другими собаками, в том числе с пойнтером Фингалом.

После Некрасов всегда не мог нахвалиться умом и хорошим характером Фингалушки. В те годы поэт много времени прово-

дил в родовом именье Грешнево, ни на миг не расставаясь с новым другом. Сохранилось несколько фотографий этого пса, причём выражения морды собаки и лица хозяина на них удивительно похожи.

Но главное, поэт запечатлел своего любимца и в стихотворении «На Волге», и в любимых до сих пор всеми «Крестьянских детях».

Некрасов с пойнтером
Фингалом

*Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
«Эй, воры идут! — закричал я Фингалу. —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьёзную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лёг — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выделывать штуки,
Что публика с места сойти не могла...
Но точно удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актёр залился оглушительным лаем,
А зрители дали стрелка.
Под крупным дождём ребятки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.*

Но не верному Фингалу суждено было стать последней и самой страстной любовью поэта. Через одиннадцать лет, уже став всенародно известным и весьма богатым человеком, он приобрёл ещё одного чёрного пойтера, получившего имя Кадо. Некрасов не то что любил, он обожал своего несравненного Кадо, позволяя ему буквально всё. На знаменитых обедах, устраиваемых для сотрудников «Отечественных записок» раз в месяц, Кадо разрешалось даже вскакивать на стол и прохаживаться по нему, выбирая с тарелок гостей кусочек полакомей, а потом лакать воду из хрустальных кувшинов. Разумеется, все терпели. Потом ему отдельно обязательно подавалась жареная куропатка, которую он преспокойно съедал на дорогом персидском ковре или трепал на шёлковой ди-

ванной обивке. Аккуратист Гончаров приходил в ужас и каждый раз старался заметить, где именно остаются эти сальные пятна, чтобы не сесть на них. Увы, Кадо ел везде и делал, что хотел.

Любопытно, что Кадо никогда не лаял на приходивших к Некрасову гостей, за исключением лишь цензоров и Салтыкова-Щедрина. Вечно угрюмый и частенько не в меру грубый сатирик пользовался искренней нелюбовью пойнтера. И когда писатель приходил к Некрасову, то во избежание «инцидента» Кадо заперали в другой комнате. Однажды у Некрасова проходило совещание редакции, на котором присутствовал и Щедрин. Кадо в спешке и по неосмотрительности забыли запереть, и он, пользуясь счастливым случаем, пробрался в прихожую и, разыскав там шинель сатирика, отгрыз у неё полполы! В итоге Некрасову пришлось покупать пострадавшему новую шинель.

Но, несмотря на всевозможные капризы и причуды, Кадо и работал поначалу мастерски. Когда Некрасов по болезни вынужден был уехать за границу, то долго сокрушался: «Жаль покидать во всём Петербурге только Кадошку. Что это за умничек!». Затем в каждом письме просил друзей сообщать ему о «жизне-бытие вселюбознейшего нашего Кадо». Он волновался, здоров ли пёс, не «чинится ли ему каких притеснений», и напоминал, чтобы Кадо жил в отдельной комнате с лежанкой, ходил на охоту ежедневно, гулял много в саду, чтобы слуга Никанор никуда от собаки не отходил, и, главное, «чтобы собака не пропала, не запаршивела и была здорова».

Однако восторги Некрасова в отношении Кадо разделяли немногие; например, крестьянин его нового маленького поместья Чудовской Луки, с которым поэт всегда ходил на охоту, писал в своих воспоминаниях, что Кадо был совершенно испорчен хозяином: «за стол он его с собой сажал, с вилочки кормил, избаловал совсем, пёс слушаться всех перестал, на охоте вертится, прыгает, на месте не стоит, птицу пугает...». Тем более что в это время у Некрасова было, как никогда, много отличных собак, и одну из них — пойнтера Юрка — он даже подарил крестьянину Захарову, у которого того не раз пытались перекупить окрестные помещики.

Дело в том, что в июле 1870 года издатель Краевский получил из-за границы двух собак. «Из Англии от Гамильтона присланы две собаки, сука и кобель породы гордон-сеттеры. Красоты необычайной, это кингчарльзспаниели (действительно, в это время стандарт гордонов только что определился даже в самой Британии, и для России это была новинка), только огромных размеров. Сука ценная, потому не пробовал, а кобель имеет чутьё и иск отличные, но послушания мало. Необходимо с ним толково заняться, чтобы привести в христианскую веру. Цена за обоих 400 рублей

серебром да провоз и разные расходы до 50. Ежели хотите, то можете получить обеих, а мне оставьте щенков. Как только воротитесь, напишите...» — сообщал он Некрасову. И тот действительно купил их, назвав Шилой и Ранже. Одного щенка от Шилы он всё же оставил себе, дав кличку Мирон. Гордоны работали отлично, но щенок превзошёл все ожидания.

Тогда сеттера начинали работать поздно, не раньше двух лет, и вот летом 1872 года управляющий охотой Некрасова Вышемирский пишет восторженное письмо: «Такого кобеля и на свете нет, чутьё очень хорошее, поиск широкий и ложкой (ложкой — лёгкий, — М. Б.), стойка мёртвая, на первый призыв является с полподачи, по выстреле не бросается. Пять куропаток убил с одной стойки, и не сделал ни шагу с места, только повернёт нос да скосит глаза. Редкость большая. Я бы с Мироном на крыльях, если б мог, прилетел бы к Вам, чтобы Вы на него посмотрели, что он делает!».

Но поэт равнодушно выслушивал похвалы другим собакам, всё сердце отдав одному Кадо. И как знать, может быть, именно этой слепой, забывшей разум любовью поэт и накликнул беду, ибо, как говорили крестьяне Чудовской Луки, «христьянну негоже так любить собаку». Ранним майским утром только что приехавшие из Петербурга Некрасов и его любовница Зиночка выехали из имения верхами. Неожиданно Зиночке вздумалось поохотиться на уток, и она, не сказавшись Некрасову, поскакала на болото, а за ней помчался почуявший работу Кадо. Буквально через несколько минут раздался выстрел и... страшный пронзительный вой собаки. Обезумевший пятидесятичетырёхлетний Некрасов спрыгнул с коня и напрямик по болоту ринулся на вой. С исцарапанным лицом, в разорванной одежде он выбежал на берег болота и увидел едва дышащего Кадо на коленях у Зины и залитые кровью её белые бриджи. Он бережно переложил умирающую собаку к себе. Зина бросилась просить прощенья, но он со словами — «Дай свободу тоске моей, я сегодня лучшего друга лишился» — отстранил её и до последней секунды глядел в стекленеющие глаза пойнтера. Когда тот вздрогнул в последний раз, Некрасов бросился на землю и долго катался в истерике, грызя руки и царапая лицо.

В тот же день, похоронив Кадо в саду около дома, он уехал обратно в Петербург, где как можно скорей заказал плиту красного гранита с надписью:

*Здесь похоронен Кадо, чёрный пойнтер,
Был превосходен на охоте и незаменимый друг дома.
Родился 15 июня 1868 года,
Убит случайно на охоте 2 мая 1875 года.*

Однако имеется и гораздо более прозаический вариант смерти несравненного Кадо. Тот же крестьянин Микола, что писал об испорченности собаки, вспоминал об этом событии несколько по-иному. Он рассказал, что, как обычно, устроил Некрасову с Зиночкой шалашик для охоты на тетеревей, куда забрался и Кадо. Увидев птицу, женщина вскинула ружьё, но непослушный пёс выскочил прямо под выстрел, и дробью ему разнесло весь бок, так что он только взвизгнул, перевернулся в воздухе и тут же издох. Всё же последующее с истерикой поэта излагается так же. Словом, вопрос о смерти Кадо до сих пор остался открытым.

В отчаянии этим же летом Некрасов попробовал поохотиться с другими собаками, но ни одна из них, несмотря на отличные рабочие качества, не смогла заменить ему Кадо, и он ещё долго в письмах и заметках писал вместо дат: «через три месяца после смерти Кадошки...», «спустя полгода...», «через год...». Больше ни одного упоминания о собаках в письмах и дневниках Некрасов никогда не встречается, а посетители дома-музея в Чудовской Луке до сих пор могут видеть почти ушедшую в землю плиту с полустёршейся надписью и поставленный в 1971 году рядом бронзовый памятник: уже пожилой, печальный поэт нежно держит голову легавого пса, и на лице его скорбь и любовь.

Некрасов умер через два года после гибели Кадо

Но всё же не незабвенному Кадо досталась роль последней в истории некрасовских собак. Уже больной поэт нередко спускался в типографию своего журнала, что находилась в подвале его же дома на углу Литейного и Бассейной², и вместе с ним всегда шла рядом пойнтер Кирюшка. Некрасов умер, сука осталась никому не нужной и по старой памяти прибежала в типографию. Там её приютили, стали кормить, и скоро осиротевшая Кирюшка так привязалась к наборщикам, что ходила с ними по чайным и харчевням и вообще везде, да и умерла в той же типографии рядом с печатным станком, продолжающим печатать издания главного дела поэта.

Но всё же не незабвенному Кадо досталась роль последней в истории некрасовских собак. Уже больной поэт нередко спускался в типографию своего журнала, что находилась в подвале его же дома на углу Литейного и Бассейной², и вместе с ним всегда шла рядом пойнтер Кирюшка. Некрасов умер, сука осталась никому не нужной и по старой памяти прибежала в типографию. Там её приютили, стали кормить, и скоро осиротевшая Кирюшка так привязалась к наборщикам, что ходила с ними по чайным и харчевням и вообще везде, да и умерла в той же типографии рядом с печатным станком, продолжающим печатать издания главного дела поэта.

Не правда ли, есть в этом что-то символическое?

Санкт-Петербург

² Ныне улица Некрасова. *Прим. ред.*